

Ю. З. Кантор

РЕСОВЕТИЗАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАДРЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (1944–1953 гг.)

Освобождение Прибалтики от нацистов поставило руководство СССР перед необходимостью ее немедленной и всеобъемлющей ресоветизации. Причем, в отличие от 1940 г., теперь пребывание Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР уже не вызвало неприятия (во всяком случае открытого) на Западе: «прибалтийский вопрос» не поднимался союзниками ни на Тегеранской конференции в 1943 г., ни на Ялтинской в 1945г.¹ Запад признал за Советским Союзом право на Прибалтику де-факто, «по умолчанию», тем самым отказавшись от своей предвоенной риторики по этой теме. В Восточной Европе, по понятным причинам, ответ на вопрос о легитимности пребывания Прибалтики в составе СССР не мог не быть положительным. Заслуженно возросший авторитет СССР, статус победителя, понесшего наибольшие жертвы и выдержавшего наибольшие же тяготы войны (этот факт в первые послевоенные годы не оспаривал никто из союзников или нейтральных государств), ореол освободителя мира от «коричневой чумы», заставил зарубежные элиты во многом принять предложенные Москвой правила игры на международной арене. Потсдамская конференция 1945 г., подтвердившая целостность границ СССР на 22 июня 1941 г. и неоспоримость послевоенных границ, исключила любые юридические и общественно-политические «неувязки» в отношении республик Прибалтики и их принадлежности к Союзу ССР². Внутри же советского государства этот вопрос не ставился под сомнение априори.

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 6 т. М.: Политиздат, 1984. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.); Ялта-45. Начертания нового мира: Документы и фотографии из личного архива Сталина. М.: Вече, 2010.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. VI. Берлинская конференция

Освобождение от нацистской оккупации избавило народы Прибалтики от неизбежной «германизации» – «растворения» в «арийской» среде или уничтожения, а языки и культуры этих народов от полного исчезновения. Литва, Латвия и Эстония как республики восстановили свои собственные границы, в целом совпадающие с границами довоенных прибалтийских государств, а в случае Литвы с существенным приращением территории – впервые в истории в ее состав вошли Вильнюс и Клайпеда (Мемель). Закономерно относясь к Литве, Латвии и Эстонии, как другим республикам, и столь же закономерно не собираясь делать для них каких-либо значительных исключений из общего правила, союзное руководство санкционировало проведение здесь социально-политических и экономических мероприятий, характерных для других регионов, переживших оккупацию. Помимо этих мероприятий, в Прибалтике было не обойтись и без специфических действий – как практических, так и юридических. Причем действий (отнюдь не только карательных). Советской власти в новых, «приобретенных» за год до начала Великой Отечественной войны, республиках пришлось начинать свое возвращение даже не с нуля – с минуса. Помимо политического, – и в экономическом смысле: прямой ущерб от войны составлял в Латвии 20, в Литве – 17, в Эстонии – 16 млрд руб. в ценах 1941 г.³ Восстановление народного хозяйства стратегически важного региона было начато немедленно, еще до окончания военных действий. Это было обусловлено идеологическими мотивами – Прибалтику следовало как можно быстрее и как можно плотнее интегрировать в советское социально-политическое пространство, и экономическими резонами – Прибалтика с ее портами, сетью железных дорог и перспективными с точки зрения общесоюзного использования промышленными предприятиями, была, так сказать, в фаворе.

Однако среди правящих кругов и управленцев Эстонии, Латвии и Литвы – особенно в первые послевоенные годы – еще жили надежды на независимость или, по крайней мере, претензии на самостоятельность. Если судить, например, по переписке эстонского партийного руководства с ЦК ВКП(б), элиты республик всерьез рассчитывали на то, что «Москва ждет от них инициативы, предложений и даже рекомендаций»⁴. Аналогичное впечатление складывается и при чте-

руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).

³ Кузнец Ю. Перед странами Балтии мы не в долгу // Красная звезда. 2005. 02 июля. URL: http://www.redstar.ru/2005/07/02_07/5_01.html

⁴ Feest D. Neo-korenizacija in den baltischen Sowjetrepubliken? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Nr. 3. S. 272.

нии документов, которые направлялись в Москву из Вильнюса и Риги. И политика Кремля работала на развитие этих иллюзий: из Москвы шли указания о необходимости учитывать национальную специфику региона и смелее выступать с местной инициативой.

После освобождения Прибалтики в 1944 г. важнейшей задачей союзного руководства, как уже упоминалось, стала повторная советизация. 1944–1946 гг. стали для региона временем формирования системы жесткого контроля союзного центра. Именно в последний год войны и затем вплоть до начала 1950-х гг. происходило становление и утверждение новых советских властных структур в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, основанное на становлении советского властного аппарата и успешном возвращении сотрудников, лояльных новой власти. Для контроля над республиками и введения их политических элит в общесоюзную систему политико-экономических координат союзное руководство использовало различные методы и специальные институты, важность которых еще в 1939–1940-е гг. на присоединенных территориях обозначилась особенно ясно. Сразу после освобождения Прибалтики от нацистов там началось восстановление партийных и советских властных структур, созданных в 1940 г. ЦК Компартий этих республик возглавили А. Снечкус (Литва), Я. Калнберзиньш (Латвия), Н. Каротамм (Эстония). Председателями советов министров стали М. Гедвилас (Литва), В. Лацис (Латвия), А. Веймер (Эстония).

Следует заметить, что Сталин лишь единожды принял Снечкуса, Калнберзиньша и Каротамма, причем, всех одновременно, – 16 августа 1944 г.⁵ Прибалтийский вопрос был для вождя решен как на международном уровне, так и на внутреннем, – и в дальнейшем первому лицу государства более не имело смысла фиксировать на нем свое внимание или как минимум это внимание демонстрировать.

Осенью 1944 г. на повестке дня в Кремле встал вопрос об ускорении советизации прибалтийских республик. Положение в них рассматривалось на трех заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б): 30 октября 1944 г. было принято решение по Эстонии, 1 ноября – по Литве, 3 ноября – по Латвии. Эти документы имели большое значение для формирования социально-политической ситуации в регионе в последующие годы. Для местных властей решения Оргбюро стали непосредственной инструкцией к действию. В этих документах подробно была расписана широкая программа мер, нацеленных на успешную

⁵ Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 43.

советизацию республик и, что еще важнее, механизмы контроля со стороны Москвы⁶.

В 1944 г. было принято постановление о создании республиканских комиссариатов обороны и иностранных дел⁷. Руководители региона восприняли этот шаг как расширение границ своей власти. Воодушевленное правительство Эстонской ССР было готово играть по правилам. Оно даже попыталось продвинуть Х. Крууса (министра иностранных дел Эстонской ССР) на пост заместителя комиссара иностранных дел СССР и даже создать свою республиканскую Эстонскую Красную армию. Предлагались и другие такого рода национальные идеи. Разумеется, к таким «играм» союзное правительство отнеслось с закономерным подозрением: восстановление национальных, пусть и «республиканских» армий, было чревато тем, что их штыки могли бы повернуться против советской власти. Кроме того, исключения из общесоюзных правил, сделанные для Прибалтики, спровоцировали бы неудовольствие остальных республиканских элит.

Республиканское руководство, по мнению Москвы, нуждалось в инструкциях. Эту точку зрения поддерживали и местные функционеры, например, партийный руководитель Латвийской ССР Я. Калнберзинш уже тогда сигнализировал в Кремль, что самостоятельно осуществить советизацию не удастся, поэтому требуется «кадровая помощь»⁸.

В ноябре–декабре 1944 г. в каждой из трех республик были созданы Бюро ЦК ВКП(б), призванные выполнять контрольно-консультативные и другие вспомогательные функции. Для тогдашней организационной структуры коммунистической партии они были весьма специфичными, т. к. наличие подобных органов не было предусмотрено ни одним внутривнутрипартийным нормативным документом. Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Литве были созданы постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1944 г., а Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии – постановлением от 29 декабря 1944 г.⁹ На всех проектах есть

⁶ Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 14.

⁷ Стенограмма пленума ЦК ВКП(б), 27.01.1944 // Исторический архив. 1992. № 1. С. 61–65.

⁸ Таннберг Т. Указ. соч. С. 19.

⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко [и др.]. М.: РОССПЭН, 2004. С. 23. (Документы советской истории).

виза Сталина – «за»¹⁰. Разумеется, утверждение документов с такой визой было лишь формальностью.

Каждое Бюро состояло из пяти человек: председателя, его заместителя, уполномоченного НКВД и НКГБ по республике, первого секретаря ЦК компартии и руководителя Совнаркома республики. Я. Калинберзиньш, вернувшись из поездки в Москву, на совещании, состоявшемся 6 ноября 1944 г., открыто говорил о подоплеке создания республиканских Бюро. Он сообщил, что они созданы, чтобы помочь руководству Латвии превратить ее в союзную республику по модели других советских республик, и добавил: «Если мы сами этого не сделаем, они найдут людей, у которых рука не дрогнет»¹¹. В своем выступлении на пленуме ЦК КП(б) Эстонии, прошедшем в начале декабря 1944 г., Н. Каротамм подчеркивал: «Назначением этого Бюро является руководство выполнением всех задач, стоящих перед КП(б) Эстонии, оказание помощи в улучшении работы, исправление ошибок, преодоление недостатков, имеющихся в работе, и подъем всей работы на должный большевистский уровень»¹². Замысел создания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. Суслов пояснил на пленуме ЦК КП(б) Литвы в конце декабря 1944 г. Стоящие перед союзной республикой «исключительно велики и сложны». Поэтому для поддержки местных партийных организаций и было нужно создать в ЦК ВКП(б) Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, чтобы взрастить местных деятелей и укрепить партийные организации¹³.

Заслуживает внимания и открытое выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Латвии Н. Шаталина перед партийным руководством Эстонской ССР в начале декабря 1944 г. Он подчеркнул, что хотя на территории республики советская власть существует, ее еще следует окончательно «укрепить». Докладчик упомянул, что советская власть пришла в Эстонию в 1940–1941 гг. «некоторым особым образом», и здесь не произошло «основательного разрушения буржуазного строя». К 1941 г. в эстонском обществе осталось много «буржуазных пережитков», многое было восстановлено немцами, которые добавили еще и другие «фашистские элементы»¹⁴.

¹⁰ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 141.

¹¹ Swain G. Cleaning up Soviet Latvia. The Bureau for Latvia (Latburo), 1944–1947 // The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956. Tartu, 2003. Lk. 65.

¹² Таннберг Т. Указ. соч. С. 26.

¹³ Там же. С. 26–27.

¹⁴ Там же.

Указания Москвы принял и министр иностранных дел Эстонии Х. Круус, заявивший: «В грандиозной программе создания Советской Эстонии на первом месте стоит вопрос о преобразовании наших людей, а также политическое, идеологическое и духовное преобразование всего общества в целом»¹⁵. «Перед нами стоит задача полностью очистить наше общество от духовной грязи фашизма и буржуазного национализма»¹⁶. Местные руководители не только отлично воспринимали указания центра, но и стремились предвосхитить их. Вне зависимости от того, искренне ли или из карьерных соображений, они делали это, их ответственность за происходившее в республиках в русле советизации, неоспорима.

«Борьба с национализмом» стала важнейшей задачей идеологической работы. В ее контексте прошло совещание историков в мае–июне 1944 г. при ЦК ВКП(б)¹⁷.

Партийный руководитель республики должен был быть представителем титульной национальности. Прибывшие в Прибалтику представители союзного центра, как и их предшественники – уполномоченные в 1940 г., – получили инструкции, предписывающие избегать прямого нажима на республиканские власти и работать с ними в режиме диалога. Их появление было воспринято местными партийными элитами напряженно. Общую тревогу выразил первый секретарь ЦК КП(б) Литвы, прямо спросивший председателя литовского Бюро: «Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?»¹⁸

«Русские товарищи» к этой руководящей роли и не стремились: в их планы входило лишь то, чтобы руководящая роль «прибалтийских товарищей» не выбивалась из общесоюзных стандартов. Дальнейшая советизация Прибалтики отдавалась на откуп местным партийно-правительственным элитам. Причем республиканские власти нельзя считать марионеточными. Союзное руководство, «огнем и мечом» выжигавшее всякое неповиновение советскому режиму, прагматично предпочло «огонь и меч» вручить представителями «титульных национальностей». Даже если предположить, что лидеры Литвы, Латвии и Эстонии, пытались выступить буфером между Центром и

¹⁵ Таннберг Т. Указ. соч. С. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 55–86; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5. С. 77–106; № 7. С. 70–87; № 9. С. 47–77; См. также: Brandenberger D. National Bolshevism // Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002. P. 128–132.

¹⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 142.

республиками и создать соответствующую систему противовесов, для сохранения национальных самоидентификаций, то и в этом случае они становились проводниками советизации. Надлежало только «приручить» и вырастить лояльные местные кадры, дав им известную самостоятельность, чтобы «не вызвать нездоровые настроения» среди местного населения. И дать привилегии. Партийные руководители Литвы, Латвии и Эстонии взялись за укрепление советской власти со всей, вполне большевистской жесткостью, при этом как бы дистанцируясь от Москвы. Прибалтика теперь была готова терпеть советскую власть сталинского образца, но говорившую на национальных языках, она смирялась с советизацией, но проводимой местными функционерами.

Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии были упразднены в 1947 г. К этому времени партийно-государственный костяк республиканского уровня был не только сформирован, но и сцементирован. Однако, чтобы «цемент» не разрушался, в Прибалтику делегировались постоянные инспекторы – для улучшения качества проверок и инспектирования местных парторганов.

Уязвимым звеном в проведении советизации оказались местные органы власти: управленческая вертикаль там практически не действовала. Ситуация вне крупных населенных пунктов была абсолютно неконтролируемой.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР», принятого в октябре 1944 г.:

«Заслушав сообщение секретаря ЦК КП(б) Эстонии т. Каротамм о положении дел в Эстонской ССР после ее освобождения от немецких оккупантов, ЦК ВКП(б) отмечает наличие серьезных недостатков и ошибок в политической работе партийной организации республики.

В Эстонской ССР не возвращены еще трудящемуся крестьянству земли, которыми наделила его советская власть и которые были отняты у трудового крестьянства немецко-фашистскими оккупантами и эстонскими кулаками. Партийные организации, затянув решение земельного вопроса, не использовали это могучее средство для сплочения трудящихся в обуздании враждебных народу элементов.

ЦК КП(б) Эстонии недооценил того факта, что немецкие и эстонские фашисты, проводя политику массового истребления трудящегося населения Эстонской республики, вместе с тем заигрывали с известной частью эстонцев, всячески разжигали вражду между эстонцами и русскими, натравливали эстонцев на русских... Некоторые соучастники зверств немецких оккупантов и виновники издевательств над населением до сих пор не привлечены к ответственности, что вызывает законное недовольство трудящихся. ЦК КП(б) Эстонии не уделяет должного внимания делу воспитания руководя-

щих партийных и советских кадров в духе большевизма и непримиримости к буржуазно-националистической идеологии. Партийные организации не проявляют должной политической активности и не имеют еще прочных связей с трудящимися массами. Лучшие люди из партизан, советского актива, интеллигенции, доказавшие своей борьбой и работой преданность делу партии, недостаточно вовлекаются в ряды партии»¹⁹.

Абсолютно аналогичные резюме были приняты в отношении Латвии и Литвы. За традиционной риторикой угадывалось закономерное беспокойство: освобожденная от нацистской оккупации Прибалтика встретила освободителей без излишних восторгов. Массовое ликование на площадях и на официальных мероприятиях, а также бодряческие отчеты партийной печати не могли заслонить очевидного: войти в семью «братских народов» Прибалтика была готова отнюдь не безоговорочно. Об этом свидетельствует и рост повстанческого антисоветского движения. Борься с создавшейся ситуацией, недооценив ее, поначалу попытались словом – пропагандой. ЦК КП(б) прибалтийских республик обязали развернуть политическую работу среди населения, особенно в деревне, разоблачая при этом «живую фашистско-националистическую пропаганду, направленную против Советского Союза и Красной Армии». Аграрный сектор стал одной из острых проблем ресоветизации Прибалтики. Местное крестьянство не спешило встраиваться в советскую систему сельского хозяйства и вообще работать на государство. О колхозах в Прибалтике были наслышаны: немало поработала в этом направлении нацистская пропаганда, но еще убедительнее любых пропагандистских акций были рассказы очевидцев, информация от вновь прибывших в республики жителей России.

Крестьяне колхозов не хотели, боялись и готовы были бороться против них, в том числе и с оружием в руках. С подобной ситуацией вынуждены были считаться и Москва, и местные власти – разрушенной войной стране необходимо было продовольствие. Во время проведения кампании по выборам в Верховный Совет СССР в 1946 г. наблюдатели от партийных органов и других структур в своих отчетах и сводках фиксировали наличие устойчивых антиколхозных настроений у населения всех трех республик. Чтобы избежать возможных эксцессов агитаторы и чиновники, ответственные за проведение предвыборной кампании в регионе, стремились при контактах с местным населением вообще избегать «колхозной темы».

¹⁹ Таннберг Т. Указ. соч. С. 196–197.

Характерно, что сохранившийся отчасти привычный – досоветский – уклад сделал Прибалтику одним из регионов, где после войны было меньше проблем с продовольствием, нежели в других республиках, переживших оккупацию: здесь можно было купить хлеб, муку и другие продукты. После отмены в 1946 г. ограничений на передвижение населения, в Прибалтику (особенно, в Латвию и Эстонию) хлынул поток из разрушенных дотла соседних Псковской, Новгородской (выделенных из состава Ленинградской в 1944 г.) и Ленинградской областей: ведь уже к осени 1946 г. в РСФСР возникли серьезнейшие проблемы с продовольствием²⁰.

Повсеместно организовывалось систематическое информирование населения о текущих военно-политических и международных событиях, об основных этапах Отечественной войны Советского Союза, о росте его военного и экономического могущества международного авторитета, а также организовать политическую работу среди интеллигенции, имея «целью воспитание интеллигенции в духе учения Ленина–Сталина»²¹.

Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановления «О мерах помощи Эстонской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы», «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы» и «О задачах партийной организации Латвийской ССР в области политической работы». Республиканские партийные руководители отчитывались о проделанной работе. Отчеты эти выглядели весьма оптимистично: в столичных городах создаются университеты марксизма-ленинизма, в уездных центрах – партийные школы, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и народных домах организованы политкружки. В отчетах обращалось внимание на «неуклонный рост» количества политкружков и количества их членов-слушателей. В городах и уездах республик работали семинары для учителей, где изучали Краткий курс истории ВКП(б), книгу тов. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Указывалось, что просоветская агитация приобрела «наступательный характер»: «Многие агитаторы, *умело используя факты зверств и издевательств* (выделено мною. – Ю. К.), которые проводились немецко-фашистскими захватчиками над советским населением, а также разоблачая действия буржуазных националистов как прямых пособников фашистов, добиваются повышения бдительности среди

²⁰ Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg, 2006. S. 131.

²¹ Танныберг Т. Указ. соч. С. 206.

населения и повышения политической активности трудящихся»²². Интеллигенция, «в большинстве своем оставалась антисоветской, но ей претили жестокость нацистских оккупантов, демонстрация расового “превосходства” немцев, облавы... казни»²³. Потому возвращение советской власти значительная часть оставшихся в Прибалтике, а не бежавших на Запад в конце войны, представителей интеллигенции готова была принять относительно лояльно, к тому же надеясь, что победа в кровопролитной войне смягчит жестокость советской сталинской системы. Для многих жителей Прибалтики новая ситуация давала шанс на возвращение к нормальной жизни. Уже в конце 1944 г. началась работа по восстановлению взорванных немцами при отступлении или разрушенных во время боев за освобождение электростанций, мостов, больниц и других, жизненно важных объектов в прибалтийских городах. Много внимания советская власть уделяла возобновлению учебы в высших учебных заведениях в Прибалтике, закрытых нацистами. Например, Вильнюсский и Каунасский университеты были открыты уже осенью 1944 г. Забота о вузах и народном образовании объяснялась не только острой необходимостью подготовки специалистов и воспитания их в нужном идеологическом духе. Большое значение уделялось и пропагандистскому эффекту: еще идут бои, но духовное возрождение, принесенное Красной армией – освободительницей, уже начинается. К тому же, что принципиально, открытие университетов и школ обязательно проводилось под руководством «местных партийных товарищей» титульных национальностей – так подчеркивалось, что вернувшаяся в Прибалтику советская власть, своя, родная, а не насаждаемая извне.

Основной политико-культурной проблемой Прибалтики стал введенный на ее территории принцип двуязычия. При массовом притоке руководящих кадров и обычных мигрантов из других республик де-факто русский язык стал главным в Прибалтике. Что по понятным причинам крайне болезненно воспринималось коренными жителями, для которых сохранение родного языка стало с момента вхождения в СССР последним критерием самоидентификации. Отношение к национальным языкам у вновь прибывших было зачастую пренебрежительным, порой, враждебным. Характерно, что приезжавшие в Литву, Латвию и Эстонию как добровольно, так и по комсомольским и партийным путевкам считали республики «вражескими». Да и прибалты отвечали тем же – встречали приехавших зачастую недружелюбно.

²² Таннберг Т. Указ. соч. С. 219.

²³ Каспяравичус А. Литовцы и Красная армия в 1944–1945 гг. Мобилизация и участие в войне // Вторая Мировая война и страны Балтии 1939–1945: Материалы международной научной конференции (Рига, 14–15 декабря 2006 г.). Рига, 2008. С. 86.

Официальная советская пропаганда замалчивала факты массовой коллаборации жителей прибалтийских республик (как, впрочем, и пособничество жителей других республик) – это не укладывалось в миф о «братстве народов СССР» и тем более о «единстве в борьбе с фашизмом». Происходившее в Прибалтике во время войны было объектом устной истории. Поэтому освободителей в Прибалтике нередко считали оккупантами и, хотя не говорили это вслух, но часто давали понять. Незримая, но вполне ощутимая психологическая стена непонимания, переходившего во взаимную враждебность, становилась все плотнее.

Со стороны приехавших в Прибалтику звучали вполне понятные требования к властям защитить права русскоязычного населения, причем обе конфликтующие стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. По установленному порядку делопроизводство во всех трех республиках должно было вестись на языке титульной нации и русском, однако на практике этот порядок часто нарушался, причем с обеих сторон.

Конфликты вокруг языковой проблемы почти всегда имели политический подтекст и рассматривались республиканским руководством как борьба за национальный суверенитет как минимум в границах культурной автономии. В целом именно в вопросе о национальном языке позиция республиканских лидеров была наиболее последовательной и твердой. Нарушение статуса национального языка объявлялось покушением на основы «ленинско-сталинской национальной политики», и эта формула использовалась как своего рода щит против русификации.

Особым и острым случаем стал «польский вопрос» в Литве. О том, что эта тема после войны обязательно возникнет, стало ясно еще в 1944 г., едва немецкие войска покинули Вильнюс. 13 июля, вскоре после освобождения города, А. Снечкусу позвонил И. Сталин. Поздравив Снечкусу, Сталин вдруг спросил: как теперь правильно называть город – по-польски Вильно или по-литовски Вильнюс. Услышав ожидаемый ответ, Сталин порекомендовал кроме того немедленно вывесить в городе литовские флаги – «чтобы было всем ясно, что это Литва»²⁴. В 1944 г. население Вильнюса составляло 200 тыс. человек, большинство из них были поляками. Первые два–три года после окончания войны литовское руководство старалось проводить при решении «польского» вопроса сбалансированную политику, однако вскоре это стремление сошло на нет, тем более, что количество поль-

²⁴ Бордонайте М. Товарищ Матас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. Вильнюс: Минтис, 1986. С. 148.

ского населения Литвы к концу 40-х гг. резко уменьшилось – за счет переселения значительной части поляков из Литвы в Польшу.

Особой задачей партийного руководства Латвии, Литвы и Эстонии с 1944 г. было расширение социальной базы компартии. Она, весьма сильная в начале XX в., была ликвидирована в Прибалтике с 20-х гг. и де-юре (запрет компартий в период независимости) и де-факто. Предвоенный год сталинской советизации лишь оттолкнул потенциальных сторонников большевизма. Поэтому, чтобы удержаться у власти, региональные лидеры должны были хотя бы из чувства самосохранения заботиться об увеличении численности людей с партбилетами. В этом их задачи совпадали с устремлениями союзного Центра. В начале 1945 г. аппараты ЦК КП(б) республик Прибалтики были укомплектованы не более чем наполовину причем, представители титульных национальностей не являлись большинством. К тому же около 50 % партийцев в Прибалтике были сотрудниками органов госбезопасности. Так что образ советской власти у населения вырисовывался малопривлекательный.

Вильнюс, Рига и Таллин обратились к Москве с просьбой направить в их распоряжение на постоянную работу латышей, литовцев и эстонцев с партстажем из других союзных республик. Однако большая часть прибывших практически не знала национальных языков и прибалтийской специфики²⁵. И если союзным руководством они воспринимались как «коренные» жители, то в республиках – как пришельцы, оказавшись «чужими среди своих», именно потому, что были своими для «чужих». Но за счет этих кадров выросла численность партийных организаций республик. Новые сограждане заняли ответственные административные и хозяйственные посты, «отодвинув» местных представителей балтийских народов.

Еще одним существенным «подспорьем» в 1945–1946 гг. для увеличения количества партийных рядов стала миграция из других республик: по партийным и комсомольским путевкам на восстановление разрушенной Прибалтики приезжала молодежь, прибывали и демобилизовавшиеся военные. Общие показатели партийности населения росли, но национальный состав коммунистов беспокоил местное руководство – представителей балтийских этносов там было относительное меньшинство. Это создавало сложности при формировании национального кадрового резерва. Первичные парторганизации стремились контролировать этнический состав при приеме в партию по национальному признаку – наибольшая «квота» отводилась представителям титульных национальностей республик: так,

²⁵ На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия / сост. и ред.: П. Варес, О. Журьяри. Таллинн: Евроуниверситет, 1999. С. 430.

Литва, Латвия и Эстония создавали свой партийный костяк, стремясь оградить парторганизации и, следовательно, республиканскую власть от «русского» – влияния. (Именно ко второй половине 40-х гг. понятия «русский» и «советский» как бы сращиваются, последствия этого «сращения» русскоязычные жители сегодняшних стран Балтии ощущают до сих пор.) Однако именно эта местная партийно-национальная политика как раз и обеспечивала активное вовлечение представителей «коренных национальностей» в идеологическую и практическую советизацию.